

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д.И.ГУЛИА

На правах рукописи

НЮШКОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

**АПСИЛЫ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Сухум
2012

**Работа выполнена в отделе истории Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Академии наук Абхазии**

**Научный руководитель: доктор исторических наук РАН,
профессор, академик АНА
Бгажба Олег Хухутович**

**Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Национального Центра Научных
Исследований (Париж)
Казанский Михаил Михайлович**

**кандидат исторических наук,
доцент АГУ
Габелия Алик Николаевич**

Ведущая организация: Абхазский государственный музей

Защита состоится в « ____ » часов « _____ » 2012 г. на заседании диссертационного Совета по истории при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа по адресу: 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа.

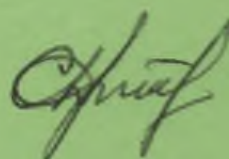
Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 384900, г. Сухум, ул. Аидгылара 44.

Учёный секретарь

Диссертационного Совета

кандидат исторических наук, доцент АГУ

С.А. Дбар

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Без историко-культурного исследования апсилов нельзя решить кардинальные вопросы по истории не только Абхазии, но и всего Западного Закавказья. Апсилия – одно из древнеабхазских политических образований, локализуемых в Восточно-Причерноморском регионе Кавказа, богатого памятниками, без исследования которых невозможно разрешить проблемы античного, ранневизантийского времени данного региона. Несмотря на уже имеющиеся изыскания по этим периодам истории юго-восточной Абхазии, представленная работа является первым монографическим комплексным исследованием, в котором используются письменный, археологический, этнографический, лингвистический, фольклорный и другие материалы. Актуальность темы обусловлена необходимостью расширения круга информативных источников для более углублённого исследования отдельных периодов античного и раннесредневекового времени, а также проблем становления ранних форм этнокультурных исторических истоков апсилов и генезиса их государственности, которые наряду с другими родственными племенами (абасги, саниги, мисимиане) составляли основное ядро древнеабхазского этноса. В последние десятилетия вновь возрос интерес к археологическим памятникам апсилов, появилось немало исследовательских работ, значительно повысилось внимание к древностям на исторической территории Апсилии. Вместе с тем, археологические исследования в местах исторического проживания апсилов (Центральная часть Апсилии, особенно Кодорское ущелье), прерванные грузино-абхазской войной (1992 – 1993 гг.), за послевоенное время не проводились, велись только научные разработки. Тем не менее, тот широкий объём работы, который был проделан после М.М. Трапша, в частности, археологической экспедицией под руководством Ю.Н. Воронова в районе Цебельдинской (по абх.-Цабалской)

долины, позволяет и сегодня нам обращаться к добытому археологическому материалу, всестороннее исследование которого открывает нам новые страницы древней истории Абхазии. Исследуя таким образом историю апсилов, мы познаём и определяем качественное состояние духовного мира абхаза, его мироощущение и мировосприятие не только в прошлом, но и на современном этапе исторического развития.

Степень научной разработанности проблемы. На сегодняшний день существует немало исследований, связанных с темой настоящей диссертации и касающихся многих сторон жизни апсилов, однако значительная часть лишь отдельно касается конкретно определённых проблем, которые требуют всестороннего изучения, анализа с привлечением всех возможных источников, что позволит воссоздать общую картину социально-культурного, исторического развития апсилов в рассматриваемый период.

Источниковедческую базу составили в основном письменные и археологические источники:

— среди письменных источников выделяются: древнеассирийские и греко-римские, ранневизантийские и средневековые (в том числе, армянские и грузинские летописи и хроники). Информация, содержащаяся в них, обычно немногочисленна и где-то даже отрывочна, иногда даже противоречива. Тем не менее, благодаря этим сообщениям, мы располагаем отдельными датами и сведениями о событиях, что представляет ценность для решения таких ключевых проблем, как взаимоотношение носителей археологических культур, уточнение этнической принадлежности и хронологии культуры апсилов изучаемого периода, а также информацией о быте, культуре, религии и других сторон жизни апсильского социума;

— археологические источники позволяют осветить поэтапное развитие культуры этноса, его быт и внутреннюю социальную

жизнь и во многих случаях подтвердить или опровергнуть данные письменных источников, а порой и восполнить их отсутствие;

– теоретический материал представляет собой незаменимый для исследования источник по социальной и политической антропологии, позволяющий лучше осмыслить рассматриваемую тему.

– материалы этнографических, фольклорных и лингвистических исследований в Абхазии носят вспомогательный характер.

Цели и задачи исследования:

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа источников воссоздать наиболее объективную историческую картину развития этнокультурной и политической истории апсилов, начиная с изучения самых ранних этапов этнической истории, а также в выявлении типов социальной организации в Апсилии. Такая постановка научной проблемы вызвала необходимость решения следующих исследовательских задач:

1) Рассмотрение уровня, степени и перспективы изучения проблемы на основе источниковедческого и историографического анализов.

2) Выявление и анализ сведений, характеризующих влияние институтов военной демократии на процесс становления общественного строя у апсилов, на фоне рассмотрения этнополитической и культурной истории развития этой этнообщности в период римского влияния.

3) Реконструкция социальной системы апсильского общества в ранневизантийское время в условиях происходивших военно-политических событий, как например, борьбы за сферу влияния в Западном Закавказском регионе между Византией и Ираном.

Объектом исследования диссертации является комплексное историко-культурное состояние апсильского общества со II в. до н.э. – по VIII в. н.э., а **предметом** исследования являются

истоки развития апсильской этнообщности, военно-политическая и социально-экономическая организация апсильцев, взаимоотношения с соседними народами, христианизация и Цепельдинская археологическая культура.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. В процессе решения поставленных задач были применены как общенаучные методы, давшие ключ к теоретическому осмыслению проблемы, так и специальные, обычно применяемые при исторических, археологических, религиоведческих и этнологических исследованиях. В качестве **методологической основы** работы выступает, прежде всего, **принцип историзма**, предназначенный для определения комплексного подхода к историко-культурному исследованию апсильской проблематики.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, самой постановкой проблемы и основными направлениями данного исследования, сориентированного на изучение вопросов этнонационального развития в новейший период становления жизни абхазского общества и абхазской государственности, и заключается в следующем:

- в работе впервые обобщаются последние обширные сведения отечественных и зарубежных исследователей;

- впервые предпринимается попытка изучения этнополитической истории Западного Закавказья в античный период и в ранневизантийское время на основе всего комплекса письменного, археологического, этнографического, фольклорного, лингвистического материалов;

- в диссертации впервые комплексно и последовательно определяются этапы развития этнокультурной истории апсильцев по хронологической схеме М.М. Казанского и А. В. Мастыковой, уточняющей схему О.А. Гей и И.А. Бажана, опирающуюся на введенную в своё время А. Амброзом и Ю.Вороновым («широкая датировка»), усилена аргументация по ряду проблем,

рассматриваемых в настоящем исследовании, а именно: развитие форм государственности у апсилов, формирование Цебельдинской культуры в общеисторическом, культурном контексте позднеантичного мира, уточнение этнополитической границы территории проживания апсилов и т.д.

– в работе впервые вводится в научный оборот ранняя этническая история апсилов не с 79 г. н. э., как обычно, а со II в. до н.э. на основании полученных Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба данных археологических материалов¹;

– автором на основе всего спектра анализа сведений впервые реконструируются два конкретных типа социально-политического строя древней Апсии («военная демократия» и «военная иерархия»).

Научно-практическая значимость диссертационного исследования обусловлена теми полученными результатами, которые могут быть полезными при разработках общих проблем кавказоведения, а также на специальных курсах исторических факультетов вузов и при составлении этнополитических карт Западного Кавказа античного периода и ранневизантийского времени, а также при написании академической «Истории Абхазии».

Хронологические и географические рамки исследования определяются II в. до н. э. (древний ярус Цибилиумского (Цабалского) могильника) – второй половиной VIII в. н. э. (образование Абхазского царства в 786 г.), примерно в тысячелетнем временном континуитете. Территориальные рамки исследования ограничены: на раннем этапе – Центральной и юго-восточной территорией современной Республики Абхазия и Западной Грузии (с севера по линии с. Эшера, р. Гумиста – на юге по

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по культуре апсилов II в. до н.э. – II в. н.э. // Труды Абхазского государственного университета. Т.6. Сухуми, 1988.

линии рек Риони, Техури); на позднем этапе (VI – начало VII вв.) – Центральной и юго-восточной территорией современной Республики Абхазия (с севера по линии с. Эшера, р. Гумиста – на юге по р. Ингур).

Апробация результатов данного исследования проходила в течение ряда лет в форме докладов и сообщений на научных конференциях в АБИГИ, а также на международных: «Первая Абхазская Международная археологическая конференция», «Первые Международные Инал-иповские чтения», «Вторая Абхазская Международная археологическая конференция»,

«Научная конференция, посвящённая 90-летию З.В. Анчабадзе», «Международная научная конференция, посвящённая 70-летию Ю.Н. Воронова»), также часть работы была апробирована в форме доклада и тезисов на Международной археологической научной конференции «XXVI Крупновские чтения» (Абхазия, Ингушетия-РФ). Основные стороны исследования диссертации освещены в статьях автора, опубликованных в научных сборниках, в том числе, находящихся в печати (5 п.л.).

Структура диссертации подчинена главной исследовательской цели и задачам и состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии (более 300 единиц) и примечания (9 карт и рисунков).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются цели и задачи диссертационной работы, даётся степень изученности проблемы, определяются объект и предмет исследования, раскрывается научная новизна, очерчиваются территориальные и хронологические рамки, характеризуются используемые методы исследования и практическая значимость работы, сообщается об апробации её результатов.

В **главе I «Проблемы истории изучения апсилов. Апсилы в письменных источниках и в историографии»** рассматривается практически весь доступный материал, отражающий события и процессы, происходившие на территории проживания апсилов, об их богатой культуре. Базу этого материала составляют, в первую очередь, письменные источники и историография.

В **первом параграфе «Письменные источники»** об апсилах выделяются три хронологических периода: 1. *Конец II тыс. и сер. I тыс. до н. э.* — фиксация сведений об абешла и предках апсилов, 2. *I–III вв. н. э.* — фиксация сведений об апсилах и Апсилии в римское время и 3. *VI по VIII вв.* — фиксация сведений об апсилах и Апсилии в ранневизантийское и средневековое время (древнеассирийские, греко-римские, ранневизантийские и средневековые армянские и грузинские письменные источники (анналы царя Тиглатпаласара I, периплы Псевдо Скилака-Кариандского и Гекатия Милетского, Плиния Секунда и Флавия Арриана, труды Прокопия Кесарийского, Агафия Миренейского, Менандра Протиктора и Феофана Исповедника, армянские и грузинские летописи и хроники (армянская география «Ашхарацуйц», груз. «Летопись Картли»). Имеются сведения об апсилах более позднего времени, когда они перестали уже давно существовать как самостоятельное этническое образование (в XVI в., в османском документе в редакции Альфреда Шмуэли и турецкого учёного XIX в. Фераизи).

Во втором параграфе *«Историография XIX – XX вв.»* отмечаются три периода изучения истории апсильов: 1) *дореволюционный – с XIX в. – до 1921 г.* Тогда наметились два противоположных подхода к древней и средневековой истории Абхазии. С одной стороны – общеевропейский объективный (Дюбуа де Монпере, архимандрит Леонид Кавелин, П.С. Уварова, К.Д. Мачавариани и др.) и, с другой стороны – тенденциозный (Дм. Бакрадзе и др.), предтеча антинаучной «миграционной теории» П.Ингороквы. Самое раннее исследование по апсилам в конце XVIII – в начале XIX вв., несомненно, принадлежит Фредерику Дюбуа де Монпере (1799 – 1850), 2) *советский – 1922 – 1991 гг.* Победа советской власти в Абхазии в 1921 году резко активизировала рост абхазоведческих изысканий. Она воспринималась здесь как освобождение от чужеродного режима «демократической» Республики Грузии (1918–1921 гг.). Всю работу тогда координировало Абхазское научное общество (АБНО), образованное в 1922 году и развернувшее систематические исследования археологических памятников страны. Уже в 1924 году началось изучение памятников вдоль всей Военно-Сухумской дороги. Близ села Цебельда, в крепости Шапки, группа исследователей в составе Н.Я. Марра, Б.В. Фармаковского, Д.П. Гордеева, Г.Г. Григора, Д.И. Гулиа, С.М. Ашхацава, А.Л. Лукина и В.И. Стражева «произвела осмотр чрезвычайно интересных остатков не обследованных укреплений и сооружений, признав крайне желательным начать на месте осмотра археологические раскопки». В советские годы изучение истории и культуры апсильов являлось одной из первостепенных задач в исследовании древнейшей истории Абхазии, и это нашло отражение в отдельных работах целого ряда специалистов (Д.И. Гулиа, М.М. Трапш, З.В. Анчабадзе, Х.С. Бгажба, Ш.Д. Инал-ипа, Г.А. Амичба, М.М. Гунба, Г.К. Шамба, Л.Г. Хрушковой, В.А. Логинова и др.). Весьма важным источником по апсильской проблематике являются работы Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба. 3) *постсоветский – после 1991 г., – начало XXI века.* Необходимо отметить,

что в постсоветский период (начало 90 — х годов XX — начало XXI вв.) продолжилось интенсивное изучение истории Абхазии, в частности, апсилов и их региона. Наконец появилась возможность, не опасаясь запрета из Тбилиси, высказывать своё мнение по многим тем проблемам, связанным с историей нашей республики, в статьях и публикациях, вызывавших острую дискуссию у грузинских исследователей. Особенно в предвоенное и послевоенное (грузино-абхазская война в 1992-1993 гг.) время (Ш.Д. Инал-ипа, С.З. Лакоба, Ю.Н. Воронов и др.). В них справедливо критикуются мнения тех грузинских кавказоведов, которые искажают этническую историю абхазского народа. Стало возможным издание посмертных трудов Ю.Н. Воронова «Колхида на рубеже средневековья», «Могилы апсилов», «Древняя Апсилия», а также материалов цебельдинских раскопок, изданных на французском языке в Лондоне при участии М.М. Казанского и А.В. Мастыковой. Характерной чертой рассматриваемого периода является усиление разработки наиболее важных проблем исторического развития по истории юго-восточной Абхазии в ранневизантийское время. Научные исследования ведутся по пяти направлениям: по изучению истории этнополитической ситуации, христианизации и церковного зодчества, периодизации материальных памятников, экономики и хозяйства. Важное место в работах кавказоведов к изучению этнополитической истории древней Апсилии заняли такие актуальные проблемы, как определение северо-западной и юго-восточной границы Апсилии, участие апсилов в войнах на стороне Римской и Византийской империй, прохождение торговых дорог. Стоит также заметить, что в своём большинстве грузинские исследователи (Т.В. Гамкрелидзе, Р.М. Рамишвили, Дж. Гамахария и др.) сознательно искажают историю Абхазии, доказывая принадлежность Цебельдинской культуры к древнегрузинской (лазской), а абхазский народ называют древнекартвельскими племенами. В то время как сам народ себя называет (по древнему этнониму апсилы) — **апсуа**, а свою страну **Апсны**.

Таким образом, несмотря на проделанную специалистами большую работу по истории изучения Апсилии и апсиров, хронологии и интерпретации их памятников, остаётся, как отмечают современные исследователи, много спорных вопросов, «белых пятен», требующих дальнейшего разрешения с привлечением новых данных на основе археологических исследований, а также в трактовке письменных и эпиграфических источников для решения таких проблем, как, например, особенности социально-экономического, этнокультурного и политического развития древних апсиров.

В главе II «Апсирлы. Ранняя этническая и социально-политическая история», в первом параграфе рассматриваются *«Истоки развития апсирской этнополитической общности (конец II тыс. – начало и сер. I тыс. до н. э.)»* на фоне историко-культурного этапа формирования раннего этнического единства апсиров, т.е., до первых веков н.э., в период Римской империи, с их глубокими этногенетическими корнями. Данные лингвистики (П. К. Услар, А. Глейе, Н.Я. Марр, А.Н. Грен, И.М. Дьяконов, Х. С. Бгажба, Ш.Д. Инал-ипа, Г.А. Меликишвили, О.М. Джапаридзе, В.Е. Кварчия и др.) свидетельствуют о заселении Западного Закавказья в I тыс. до н. э. племенами абхазо-адыгского происхождения, начиная с конца эпохи неолита, родственными племенам кашков и абешла, мигрировавшим, согласно автохтонно-миграционной гипотезе (Л. Соловьёва и З. Анчабадзе), в конце II тыс. до н.э. в сторону Северной Колхиды из центральных и северо-восточных районов Малой Азии (соврем. Турция). Данные лингвистики и другие данные в сочетании с археологическими и этнологическими свидетельствами позволяют сделать вывод о существовавших территориально этнокультурных корнях древнеабхазского населения, а также о появлении в конце II тыс. до н.э. позднебронзовой колхидско-кобанской историко-культурной общности, расцвет которой падает на начало VIII в. до н.э. Применение историко-генетического (ретроспективного) метода позволило конкретизировать

существовавшую родственную взаимосвязанность между племенем абешла конца II тыс. до н.э. и апсилами конца I тыс. до н.э. — I тыс. н. э. (по схеме Апсар-Апсирт-апсилы).

Второй параграф «Апсилы в римское время. Этнополитическая ситуация» практически является продолжением первого параграфа главы, и в нем подробно рассматривается история развития апсильского социума в позднеантичный период с учётом применения проблемно-хронологического, сравнительно-исторического методов исследования и анализа письменного материала. Основное внимание уделено тем переменам в жизни Восточного Причерноморья, которые последовали вслед за появлением римлян в Западном Закавказье. В работе определён характер римской политики в Апсилии как территории очень важной на Западном Закавказье для Римской империи. В это время (в конце I в. н.э.) особое значение приобретает цепь опорных крепостей с постоянными римскими гарнизонами («Понтийский лимес»), что, в свою очередь, привело как к созданию буферной зоны в Восточнопричерноморском бассейне (для обеспечения стабильности в регионе), так и к предоставлению «царского венца», в первую очередь, правителю апсиров — Юлиану, по-видимому, показавшему себя с лучшей стороны во время римско-парфянской войны (в начале II в. н.э.). Также был прослежен возможный механизм развития государственности у апсиров на раннем этапе их исторического становления как этнической общности, с учётом стратегических интересов, имевшихся к этому региону Кавказа со стороны имперской администрации, для чего нами был применён принцип историзма. В ходе полученного исследования, с использованием данных археологического материала, был сделан вывод, что этнополитические образования апсиров, абасгов и санигов, принимая во внимание происходившие внутри этих этнообществ социально-политические процессы (в условиях существования сильных пережитков родовых связей и патриархального уклада жизни), находились на стадии раннего этапа становления госу-

дарства, являясь, по сути, раннегосударственными образованиями (истоками будущей абхазской государственности²).

Третий параграф посвящён *«Социальной, военно-политической системе апсилов и их культурному развитию»*. В работе впервые даётся последовательная интерпретация событий, связанных с развитием всей общественной структуры у апсилов в общеисторическом и культурном контексте позднеантичного мира, с учётом данных письменных, вещественных источников, а также на основе теоретических разработок, историко-типологического метода и метода периодизации. Являясь на протяжении I – V вв. обществом, в котором сильно были развиты формы коллективной собственности, данный социум, несомненно, находился в состоянии развития, близком к «военной демократии». В ходе социально-исторического исследования всего доступного материала (в комплексе) было замечено, что на поворотном этапе истории (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) социальный строй апсилов изменяется, появляется принципиально новая форма социальной организации со складывающейся политической структурой власти, включавшей народное собрание, совет старейшин и правителя. Власть делилась между «царём» и народным собранием. Идёт процесс институализации власти. Органы родового общественного самоуправления еще сохраняются, но постепенно набирают силу новые военные структуры в лице военачальника (лидера) и его дружины (М.О. Косвен, Ю.Н. Воронов, Г.А. Амичба, С.Д. Ковалевский, Т.В. Кашанина и др.). Присутствие же сельскохозяйственных орудий (мотыги, цалды), кузнечных и плотничьих инструментов наряду с вооружением до V века н.э. в погребениях Цебельдинской (Цабалской) долины свидетельствует, что «второе великое разделение труда» ещё не сильно коснулось горного населения Апсолии. В этой связи, не меньший интерес вызывает внутреннее состояние общины раннего времени у апсилов, для изучения которой был использован сопостави-

² Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005.

тельный анализ. Являясь прообразом существовавшей в XIX – начале XX вв. абхазской сельской общины, ретроспективно община древних апсилов, очевидно, представляла собой сельскую общину - **акыта**, делившуюся на ряд посёлков – **ацута**, **ахабла**, часто населённых в основном членами родственной группы. Как показывают данные погребального обряда в могилах Цебельдинского некрополя, у основной массы населения преобладал практически одинаковый уровень богатства. Само общество было, в целом, эгалитарным³, с элементами привилегированности (как например, фиксируемое погребение 448 (Цибилиум (Цабал) -8) (II – III вв.), сопровождающееся захоронением коня). «Всё это свидетельствует о слабой иерархизации населения Цибилиума в данную эпоху»⁴, т.е. на раннем этапе поздней античности.

На основании совокупности вещественных источников, с определённой долей вероятности, можно предполагать, что в позднеантичном обществе апсилов существовало, в основном, равноправие без ощутимых следов имущественной дифференциации. Древнее общество базировалось, в большей части, на хозяйственной деятельности, а также и на военном деле, судя по превалированию в могильниках Цибилиума (Цабал) (№1 и №2) кремаций и, в меньшей степени, ингумаций воинов (III – IV вв.). В то же время комплексное изучение внутреннего производства позволило прийти к выводу, что носители Цебельдинской культуры (отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт) имели более широкие этнокультурные региональные связи, находясь в общеисторическом, культурном пространстве происходивших в циркумпонтийской и средиземноморской зоне различных событий. Они как и носители периферийных аборигенных культур Северного Кавказа, Восточной

³ Воронов Ю.Н. Научное наследие. Том 1. Сухум, 2006.

⁴ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновские чтения». Владикавказ, 2008.

и Западной Европы (конец I – начало V вв. н.э.), были вовлечены в общий поток тех культурных импульсов, что исходили, главным образом, от Римской империи, являвшейся распространительницей, в частности, новых видов оружия (франкских топоров, позднеримских коротких и длинных мечей из сварочной дамасской стали и др.), сближая их в одну общую культурную среду позднеантичной цивилизации римского–византийского образца (например, включение санигов, абасгов и апсилов в систему обороны Империи, в качестве федератов). Также стоит заметить, что именно особые географические рельефные горные условия создали тот благоприятный климат, при котором этническая история и этнокультурная среда апсилов (оставаясь гомогенной) с начала н.э. стала развиваться без потрясений. Это был довольно самостоятельный этнический социум, создание которого происходило в относительной изоляции. Немаловажно и то, что лингвистический анализ гидронимических материалов даёт возможность говорить об этнической принадлежности носителей археологических культур, как например, Цебельдинской культуры, гидронимика которой имеет, по мнению большинства исследователей, местную основу. К тому же, сохранению этноидентичности способствовала также традиция ведения хозяйства с древнейших времён и идеологическая (религиозная) сплочённость, сохранившаяся с некоторыми изменениями и впоследствии.

Таким образом, говоря о местном обществе, жизнь которого во многом была определена хозяйственно–экономическим и культурным укладом, можно отметить, что оно развивалось, главным образом, на основе внутренних социально–экономических процессов, предопределяющих политическую, социально–этническую и культурную историю абхазского народа, а также и на основе внешних ресурсов, способствовавших интеграционным процессам носителей Цебельдинской культуры.

В главе III «Апсилы в ранневизантийское время (V–VIII вв.)» рассматривается широкий спектр всей политической, эт-

нической, культурной и социально-экономической истории апсидов в ранневизантийское время на основе анализа вещественного материала и письменных ранневизантийских, древнегрузинских и армянских источников и практически всей существующей историографической базы по этой теме с применением историко-генетического метода и принципа историзма с целью изучения дальнейшего роста общественной организации у апсидов в контексте, в частности, их территориального этнополитического пространства и взаимоотношения с лазами, чему посвящён первый параграф *«К проблеме южной этнической и политической границы апсидов и их взаимоотношения с лазами»*, где был сделан вывод, что в I – V вв. н.э. юго-восточная граница Апсилии проходила по линии рек Риони-Техури⁵, а к VI в. она перемещается к р. Ингур, из-за дальнейшей экспансии лазов на северо-запад, и, как показывает анализ древнеармянского письменного источника VII в. «Ашхарацуйц», этнополитическую границу апсидов следует локализовать с VI в. по этой реке, которая прослеживается вплоть до VIII в. В связи с этим заметим, научно не оправдано увязывать Клисору Джуаншера (грузинского историка XI в.) с р. Келасур и проводить по ней этнополитическую границу (с V по VIII вв.) между «Грецией и Грузией», как это делают грузинские и некоторые абхазские историки.

В этом случае, вопреки утверждению в грузинской историографии, что абазги и особенно апсилы вместе с мисимианами попали под влияние Лазики, можно определённо считать, что апсилы в рамках своей территории были не только самостоятельны от лазов, но и формировали сами своё этнокультурное пространство, о чём свидетельствуют материалы, выявленные в могилах апсидов (керамическая столовая и тарная посуда, сосуды – скульптуры оленя и быка, принадлежавшие, вероятно,

⁵ Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Выпуск III. Сухум, 2004.

к культовым изделиям, металлообработка: в местных могилах выявлено большое количество ювелирных изделий из золота, бронзы и железа) и письменные данные (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский). Их контакты с лазами определялись политикой, проводившейся Византийской империей (как известно, и апсилы, и лазы находились от неё в зависимости), (система вассалитета), а также наметившимся ещё с V в. противостоянием между Византией и Сасанидским Ираном (в VI веке), в связи с чем, особую актуальность приобретают апсило-византийские взаимоотношения.

Во втором параграфе *«Апсило-византийские взаимоотношения. Стратегия развития в фокусе экономических и политических интересов»* рассматривается несколько проблем, связанных одной общей темой как ирано-византийское противостояние на территории Колхиды, в частности, на территории Аписилии (находившейся на периферии византийской политики), а именно со стремлением утверждения здесь Ираном и Византией своих торгово-экономических и стратегических позиций. В первую очередь, у византийской имперской администрации возникла необходимость вынужденной прокладки новых торговых путей через Северо-Западный Кавказ, защита которых становится для неё первостепенной задачей. Для укрепления своего влияния на Северном Кавказе, где проживали аланы, существенную роль византийцы отвели, как плацдарму, территории, где проживали апсилы и мисимиане; кроме того, значительным было мисимианское восстание, из-за которого были поставлены под угрозу все дипломатические усилия Византийской империи в отношениях с западными аланами (в 556 г.; до этого, в 550 г. ненадолго отпали от империи апсилы, объявившие о своей независимости). Следует отметить, что предгорную территорию от Кодора (крепость Тцахар) до Ингура (крепость Бухлоон-Буколус), скорее всего, занимало такое родственное и близкое к апсилам племя мисимиан, что мы можем говорить о существовавшей (судя по вещественным источникам) одной апсило – мисимианской этно-

культурной общности (характерно, что в византийской церковной публикации (эпистолы) Анастасия Апокрисиария VII века прямо указывается «страна апсилов и мисимиан»).

Концентрация архитектурных памятников Цебельдинской культуры, засвидетельствованная по всему правобережью Кодора и в районе р. Мачара и Келасур (Цибилиум (Цабал), Шапки, Ахыста, Герзеульская, Лар, Бат, Апушта, Пал, Чхалта, Ажара и т.д), объединенных в одну новую оборонительную систему, составлявшую внутренний кавказский лимес («Клисурь» Прокопия, тянувшуюся по горам от нынешней Красной поляны (Сочинский р.-н) и дальше в сторону Западной Грузии), указывает на двойственный характер политики Византийской империи как захватнической, так и оборонительной. Практически к каждой крепости примыкало местное поселение. «Посёлки апсилов представляли собой скопление жилищ и хозяйственных помещений, занимавшие вершины с хорошей природной защитой, склоны с искусственными террасами из камня и земли, ровные площадки вблизи крепости»⁶. На основе датировки Цибилиума (Цабала), Шапки, определённой по найденным закладным монетам между 529 и 542 гг. и гораздо позже, была установлена и датировка всех остальных апсильских крепостей⁷. Данная точка зрения Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба была поддержана Э.Я. Николаевой и др. Подобная хронология продуктивнее и для других памятников всего Причерноморья, которые датировались раньше IV – VI веками.

Можно утверждать, что фортификационное искусство Апсолии и Мисиминии, испытавшее большое влияние византийской архитектуры (например, крепости с двойными стенами, пентагональная, купольная башня, кладками: *opus mixtum*, *opus quadratum*, *opus incertum*) не только не отставало от всей

⁶ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Т. XII. М.- Магнитогорск, 2002.

⁷ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // Византийский временник. 48. М., 1987.

Присредиземноморской крепостной архитектуры, но, в сочетании с элементами местного облика цитаделей, явилось важным звеном всей оборонительной системы византийцев в Причерноморском бассейне, возникновение которой стало возможным благодаря взаимодействию как византийских, так и апсильско — мисимианских властей, заинтересованных в запирании всех ущельных проходов, ведущих с Северного Кавказа в Западное Закавказье. Далее, как показал анализ археологических материалов (главным образом, керамических и железных изделий), Цебельдинская культура была распространена на довольно большой территории, охватывавшей четыре района соврем. Республики Абхазия (Сухумский, Гулырипшский, Очамчырский и Галский). В свою очередь, это даёт возможность выделить по анализу найденных вещей (керамика, оружие, украшения и т.д.) три локальных хозяйственно-культурных района Цебельдинской культуры: Мачара-Кодорский-Галидзский (где с середины VI века также локализуется сходное по хозяйственно-культурному типу мисимианское сообщество), представляющий значительный (в хозяйственном и территориальном плане) район, Гумистинский и Чхалта-Кодорский.

Начиная уже с VII в., условия жизни в Абхазии претерпевают изменения. Судя по летописи Феодосия Гангрского и древнеармянской географии «Ашхарацуйц», в VII веке складывается новая политическая ситуация. Границы Апсолии, в результате внешнего давления (абасгского и аланского), частично, сужаются, происходит этнополитическое и культурное сближение древнеабхазского этноса в рамках Абасгского княжества. Вместе с тем, в начале VIII века «страна» апсильов, вместе с Мисиминией, включавшей в себя часть соврем. Гулырипшского, Очамчырского и Галского р-нов Республики Абхазия, в сочинении византийского историка Феофана Хронографа предстаёт довольно независимым, единым этнополитическим образованием в составе Византийской империи как самоуправляющаяся

территория, во главе которой стоят патрикий Марин, «первый среди апсиров»⁸ и его позднеблаженный сын Евстафий. Также на местах, «помимо патрикия власть в Апсилии осуществляли и топотериты (провинциальные византийские «местоблюстители»), в обязанности которых входило управление областями и крепостями». В самом же апсильском обществе, которое всё ещё оставалось традиционно-консервативным, к середине VIII в., в этот переходный период, как можно предполагать, усиливается процесс расслоения, свои позиции укрепляет (перерождаясь постепенно в должностных лиц раннефеодального государства) апсильская аристократия.

Подробному рассмотрению этого вопроса посвящён последний третий параграф: *«Социальный аспект развития этнополитической общности у апсиров»*. Во второй главе уже рассматривалась социальная организация древней Апсилии в позднеантичное время, основой которой был военно-демократический принцип власти в обществе, которое вступило примерно в VI веке непосредственно в период вызревания раннеклассовых отношений и в стадию генезиса феодализма. В связи с этим существуют две концепции. Одна (С.Н. Джанашиа, З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, М.М. Гунба, Г.А. Амичба и др.) и вторая (Г.А. Меликишвили, А.П. Новосельцев, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба и др.), которой придерживаюсь в своей работе, по ней на территории Западного Закавказья ещё в VI в. господствовали в очень своеобразной форме раннеклассовые отношения, и процесс феодализации проходил медленно, ибо общинные связи здесь, судя по письменным источникам, были очень сильны (Прокопий, Агафий, Менандр), даже в Лазике «процесс формирования феодальных отношений и феодальной знати шёл здесь очень медленно»⁹. Поэтому мы не можем говорить

⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Текст, перевод, комментарий. М., 1980.

⁹ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1981, с. 202.

о существовании в VI в. раннефеодального Лазского царства.

Следует отметить, анализ погребального обряда со всей очевидностью показывает, что древние апсилы на всем протяжении существования Цебельдинской культуры придерживались традиционной религии, их духовная и материальная культура практически не изменилась и в V – VII вв., на данной территории намечается лишь плавная эволюция позднеантичных форм материальной культуры. Одна из них была связана с византийской христианизацией у апсилов (с VI – до конца VII вв.), религиозная система которых, как и у алан, была тесно связана с эволюцией социальной структуры. Проводившаяся активная миссионерская деятельность со стороны Константинопольской церкви в Апсилии свидетельствует о том, какое значение придавалось этому региону Западного Закавказья. Уже с IV – V вв. отмечаются самые ранние христианские церкви, построенные на территории Абхазии. При Юстиниане I были возведены храмовые комплексы с баптистериями и мартирии (в Цибилиуме, в Шапкы и т.д.), позже был построен на четырёх столбах (опорах) Драндский храм VI века. Говоря о церковном Цибилиумском (Цабалском) комплексе VI в., нельзя не заметить, что он был построен в рамках одного с крепостью проекта. В частности, несколько иной хронологии придерживается в отношении данного церковного комплекса Л.Г. Хрушкова, который ею не был раскопан до конца и, соответственно, не были увидены гранности апсиды, и датируется ею более ранним временем¹⁰. Итак, «согласно клеймам на кирпичах и черепице, первым епископом апсилов был Константин», принадлежавший, по всей видимости, к прогрессивной части местного общества. В этом случае можно говорить о том, что территория апсилов на идеологическом, культурном и социально – административном фоне являлась «контактной зоной», на которой осуществлялась греческая проповедь времён христианизации и последующее единение с

¹⁰ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII в.). М., 2002, с.315.

Константинопольской Церковью, распространение греческой культуры, языка и т.д. —

Большое значение в это время (VI в.) приобретают апсило-аланские связи, их укреплению (на торговом и социальном уровне) способствовало прохождение двух главных ответвлений Великого шёлкового пути по территории Западного Кавказа до главного города в Апсилии (Мисимианский и Даринский путь), т.е. к Севастополису, который Юстиниан восстановил: «Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»¹¹. Так, существование трёх ответвлений было доказано на примере археологического материала (европейские вещи, каменная бусина с китайским иероглифом «бень» («император») времён династии Суй (VI в.), а, главное, фрагментами шёлковых тканей). Отметим, «значение протяжённых торговых путей далеко выходило за область торговли. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своего функционирования, т.е. играл консолидирующую роль», в основе которой была складывавшаяся к этому времени система более устойчивых общественных связей между аланским, апсилийским населением. Свидетельством этому служит выявленный археологический материал, указывающий на возможное присутствие аланского компонента в крепости Цибилиум (Цабал), а также письменные источники (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр, Феофан Хронограф и др.). Кроме того они же также показывают, что Мисимианский путь следует локализовать в Ингурском ущелье, а Даринский западнее Мисимианского, выводивший прямо в центр Апсилии (Даринский

¹¹ Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. №4. М., 1939.

путь это не «Абхазская дорога» грузинских летописей, которая соединяла Кутаиси и Анакопию).

Тщательное изучение социально-политической истории (наиболее изученной) западных алан выявило близость общественных систем западных алан и апсиров. Было замечено, что как на Северном, так и на Южном Кавказе общества развивались в похожих условиях. В свою очередь, это позволило сделать вывод, что в Апсилии общество переживало ту стадию развития, когда социальная структура начинает набирать темп, происходит дифференциация социума в сторону его усложнённости, появляется новая знать, во главе него становится военный предводитель. Возникает новая форма общественной организации, военно-иерархическая система управления (с VI в.), власть сосредотачивается в руках военного предводителя и верной ему дружины, состоявшей, судя по выявленному археологическому материалу, из знатных воинов и воинов-всадников, представлявших, вероятно, всадническое сословие. Подобная военно-иерархическая организация власти была и у «варварских королевств» в раннесредневековой Западной Европе. Что-то похожее, судя по письменному источнику Прокопия Кесарийского, возможно, имелось и в соседней Абасгии, разделённой на западную и восточную, со своими правителями (архонтами) в VI в. По мере укрепления политической системы в Абасгии, власть приобретает тут с VII в. наследственный характер. По свидетельству «Дивана абхазских царей», первым царем абхазов был Анос и только одиннадцатым — Леон I.

Между тем, следует отметить, что социальную структуру в Апсилии, переживавшей свою динамичность с VI века (это было связано в это время с инновацией в военной сфере, в хозяйстве и в быту), более всего отражает военная организация. «Наиболее типичные боевые предметы рассматриваемого периода происходят из могильников цебельдинской общины апсиров». Как показал анализ всаднических захоронений (Ю.Н.

Воронова и О.Х. Бгажба) и обнаруженных во время раскопок 12 поясных наборов геральдического типа (состоявших из серебряных или бронзовых пряжек, накладок и наконечников ремней), основу элитарности апсильского общества могла представлять группа профессиональных воинов, т.н., воинская аристократия. Отметим, поясной набор указывал на заслуги и место его владельца в воинской иерархии. Пояса являлись тем отличительным знаком принадлежности к военному сословию, который могли иметь только наиболее знатные воины, относившиеся к всадническому сословию. Сходная организация общества и усугублявшаяся разница в экономическом положении (в связи с прохождением трасс торгового пути) ещё более стимулировали процесс внутреннего распада родовой организации у апсилов и появление прослойки состоятельных апсилов при имевшейся, в основной массе населения, имущественной однородности. Похожую ситуацию можно наблюдать в ранневизантийскую эпоху и в Закубанье¹².

Очевидно, во главе всего апсильского общества стоял правящий род, к которому принадлежал военный предводитель (или, пользуясь социальной терминологией XIX в., владелец) с резиденцией (судя по археологическим исследованиям) на горе Шапки, окруженный и поддерживаемый дружиной (включая сюда и всадническую). Отсутствие в женских захоронениях могильника Шапки орудий труда (железные мотыжки) и наличие там же украшений может указывать на привилегированность рода, проживавшего в данной части Апсолии. Тем самым, идёт процесс формирования новых типов власти и управления. Сам этот процесс, связанный, в первую очередь, с появлением новой дружинной знати, был обусловлен, во-первых, тем, что, находясь в гуще исторических событий, общество апсилов носило

¹² Джигунова Ф.К. О половозрастной и социальной традиции раннесредневекового общества по материалам погребений на территории Закубанья // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004.

военизированный (каждый мужчина-воин) характер, особенно на позднем этапе, во-вторых, инкорпорированием в систему Византийской обороны той прогрессивной части апсилов, которая стремилась интегрироваться в общекультурную систему ранневизантийского мира, а это, в свою очередь, формировало привилегированную (военизированную) прослойку в самом обществе, что должно было вести уже к изменению старых общинных условий жизни в Апсилии, т.е. к раннеклассовым отношениям, в третьих, прохождением трассы Великого шёлкового пути (например, для защиты караванов), так как интенсификация византийской торговли с восточно-причерноморским миром ещё более усилила социальную стратификацию внутри апсильского социума, чем в период Римской империи. На основе применённых в данном параграфе историко-генетического, сравнительно-исторического и типологического методов можно сделать вывод, что социальная организация у апсилов, зависевшая от устоявшихся веками традиционных устоев, во многом схожих с устоями других этнических групп Кавказа, развивалась в условиях генезиса феодализма до появления Абхазского царства.

Таким образом, происходит процесс формирования единой абхазской феодальной народности, без которой не состоялось бы независимого Абхазского царства в 786 г. Такова была, на мой взгляд, ситуация, в течение которой в V – VIII вв. формировались основные черты этнополитической самобытной историко-культурной общности в Апсилии.

В Заключении делаются основные выводы, на основании которых можно определённо сказать, что исторический процесс, происходивший в античность и раннем средневековье в Западном Закавказье, объективно привёл к консолидации древнеабхазский этнос в единую абхазскую феодальную народность. Образование единого Абхазского царства стало основой её дальнейшей консолидации. Абхазское царство сыграло важ-

нейшую международную роль в противостоянии мировых держав Арабского Халифата и Византийской империи, являясь на то время первым, достаточно мощным, феодальным государством в Северо-Западном и в Южном регионе Кавказа.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Апсиловедение в 90-х годах XX века – начале XXI века и его проблемы // Тезисы докладов 50-й Итоговой научной сессии АБИГИ. Сухум, 2006.
2. Апсилия и апсилы в трудах Ю.Н. Воронова // Материалы Первой Абхазской Международной археологической конференции. Сухум, 2006.
3. Цебельдинская (апсильская) культура в общеисторическом и культурном контексте позднеантичного мира // Тезисы докладов Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения». Магас, 2010.
4. Этнополитическая ситуация в Восточном Причерноморье в начале нашей эры // «Акэа-Сухум». Журнал литературы, науки и публицистики. №2. Сухум, 2010.
5. Великий шёлковый путь и Западный Кавказ в ранневизантийскую эпоху и его значение сегодня // Доклады XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и общественного деятеля Ф. А. Щербины. Краснодар, 2011.
6. Из истории апсило-византийских взаимоотношений в Восточно-причерноморском бассейне (V – VII вв.) // Karadeniz Araştırmaları. Sayı 29. Ankara, 2011 (с аннотацией на турецком и английском языках).

7. Древнеабхазские племена апсилы в грузинской историографической интерпретации // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. V–VI выпуск. Сухум, 2011.
8. Апсилы в трудах Ш.Д. Инал-ипа // Первые международные инал-иповские чтения. Сухум, 2011.
9. Апсо – византийские взаимоотношения (IV–VIII вв.) // Вторая абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2011.
10. К проблеме хронологии поздней античности и раннего феодализма в Западном Закавказье (V–VIII вв.) // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 70 – летию Ю.Н. Воронова. Сухум, 2011.
11. Апсо и апсилы в историографии последних десятилетий // Кавказский бюллетень. Выпуск I. Абхазия. Москва, 2011.
12. Новые материалы Цебельдинской культуры из села Ата-ра (Абхазия) // Тезисы докладов Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа: XXVII «Крупновские чтения». Махачкала, 2012, (совместная).

